

Лукьяненко Дураки и дороги

1 812 км Трансевразийской магистрали
экспериментальный участок
Калужская область

Кондратьев был высоким, грузным, загорелым дочерна — настоящий рабочий человек, проводящий дни напролёт под палящим солнцем, ветром и дождём. Не верилось, что он — начальник экспериментального участка Москва-Калуга трассы ТМ-2, скорее казалось, что Кондратьев только что вылез из-за рычагов грейдера или скрепера. Защитного цвета бриджи и расстёгнутая цветастая рубашка на нём смотрелись солиднее, чем форма на ином генерале.

Колков рядом с Кондратьевым выглядел неубедительно. Тощий, сутулый, бледнокожий, в старомодных очках, в слишком жарком для лета костюме — типичный кабинетный учёный. Собственно, им он и был.

— С самого начала знал, что ерунда получится, — сказал Кондратьев, вытирая пот со лба. В голосе его было не то, чтобы удовлетворение, но лёгкое торжество. — Но такого даже я не ожидал. Можете объяснить, профессор?

— Я не профессор, — привычно возразил Колков, поправляя очки. — Разбираться надо...

— Так разбирайтесь.

Они стояли на выжженном солнцем поле, рядом с ровной чёрной лентой Трассы. Две полосы в каждую сторону — прямая, будто стрела и ровная, как стол, Трасса казалась сделанной из хорошего асфальта. На большей части так и было, но вот этот участок, экспериментальный, к асфальту не имел никакого отношения. Никакой строительной техники поблизости не наблюдалось, как и вообще следов человека. Лента дороги тоже была пуста. Даже внедорожник Кондратьева, на котором они приехали, стоял в сторонке. Одуревший от жары кузнечик выпрыгнул на ленту дороги, замер на секунду — и вдруг резко отпрыгнул назад.

— Даже безмозглым насекомым ваша дорога не нравится, — сказал Кондратьев. Теперь удовлетворение в его голосе было явным.

— Хорошая дорога, — рассеянно сказал Колков. — А кузнечик... всё правильно. Дорога насекомых и прочих мелких животных отпугивает. Чтобы меньше погибали, не пачкали ветровые стёкла...

— Гуманизм, — насмешливо сказал Кондратьев. — Ясно. И куда нас завёл ваш гуманизм? А завёл он нас в... — начальник экспериментального участка ТМ-2 выразительно замолчал, глядя вперёд.

Впереди дорога внезапно начинала углубляться в поле. Вначале возникала колея, потом резкий спуск, стены которого облицовывала та же самая чёрная масса, из которой состояла дорога. Потом спуск окончательно заглублялся, и дорога ныряла в туннель. Чёрный провал уходил куда-то вглубь.

— Дорога вновь выходит из-под земли через десять километров, — сказал Кондратьев с тоской в голосе. — Вы понимаете, что сотворили? Десятикилометровый туннель. Не въехать, не выехать.

— Тут и не предусматривались никакие съезды, — возразил Колков. — Места пустынные, деревеньки и то в стороне.

— Сейчас нет, а завтра — да. Ну а водителям что за радость? Ехали, пейзажем любовались, вдруг дорога ныряет в туннель на десять километров! Вы понимаете, что это вопрос безопасности?

Колков кивнул. Присел на обочине, достал похожий на телефон приборчик, прижал к покрытию дороги. Экран прибора засветился зелёным, появились какие-то строчки сообщений, но Колков не стал их читать.

– Всё в порядке, – сказал он. – Наноботы функционируют, дорога рапортует об исправном состоянии. Надо разобраться.

Кондратьев несколько мгновений смотрел на Колкова сверху, потом вздохнул и присел на дорогу. Спросил более миролюбиво:

– Слушай, почему она называется самодвижущейся?

– Потому что сама движется, – сказал Колков, – сама себя строит. Перочинным ножиком он с заметным трудом отковырял от дороги крошечный кусочек покрытия. Бросил в стеклянный флакон, закупорил. Потряс флакон, посмотрел на свет. Спрятал в карман.

Кондратьев с сомнением посмотрел на Колкова и сказал:

– Строила сама, а сносить будем мы. К чёртовой матери. И строить обычным порядком.

– Из-за туннеля – срывать сто шестьдесят километров дороги? – поразился Колков.

Кондратьев насмешливо посмотрел на него.

– Ты меня за дурака-то не считай. Что такое твоя «самодвижущаяся дорога»? Нет, не отвечай, сам скажу. Колония наноботов. Задана начальная и конечная точка пути. Задана ширина дороги, допустимые уклоны и повороты. А дальше наноботы начинают питаться солнечным светом и перерабатывать грунт в дорожное полотно.

– Не совсем так. Полотно – и есть наноботы. Они сцепляются между собой, образуют дорогу и впадают в спячку. Только когда дорога повреждается, они просыпаются и восстанавливают её. Никакого ремонта, никакого ухода – дорога вечная... – Колков пристально посмотрел на Кондратьева. – Так вот что вам не нравится? Такие дороги вас без работы оставят?

Он ковырнул пальцем дорогу. Щербинка в покрытии на глазах заплывала, затягивалась.

– Дурак ты, – беззлобно сказал Кондратьев. – На мой век работы хватит. Лучше скажи, как управляются наноботы? Есть центральный компьютер?

– Нет. Она сама себе компьютер. Каждый нанобот – крошечный элемент системы. Чем длиннее дорога, тем больше вычислительная мощность.

– Вот, – кивнул Кондратьев. – Ты, дорогой профессор...

– Я не...

– Создал...

– Не я один...

– Саморазвивающийся живой организм. Пока вы на полигоне строили трассы, всё было в порядке. Ваша дорога не была слишком уж умной. А тут – сто шестьдесят километров широкого полотна. Тут вычислительная мощность выше любого суперкомпьютера, верно? Ну поздравляю, дорогой профессор, вы создали монстра! Он хочет жить и расти. Забетонировать всю Землю, превратить её в ровный шарик. Вот потому твоя дорога и нырнула в глубину. Спряталась, понимаешь? Может, она сейчас туннели повсюду роет.

– Не может такого быть, – упрямо сказал Колков. – Вы словно старых фильмов ужасов насмотрелись. Если соединить миллион калькуляторов, они разумными не станут. Да, это компьютер, но он неразумный, он лишь выполняет программу – проложить экспериментальный участок ТМ-2 от Москвы до Калуги.

– Объясни, зачем дорога нырнула под землю?

Колков молчал.

– Доставай свою ампулу, – жёстко сказал Кондратьев. – Давай, не тяни. У меня в Калуге бабушка, между прочим, я тебе не позволю бабушку заасфальтировать.

Колков достал из кармана пиджака металлическую коробочку. Открыл – внутри лежала стеклянная ампула с тягучей красной жидкостью.

– Выключай, – сказал Кондратьев. – Бей ампулу, выключай дорогу.

– Она же в пыль рассыплется. Весь труд насмарку! Дорога ведь остановилась, она никуда за разрешенные границы не вышла, ничего не испортила!

Кондратьев встал, огляделся. Решил:

– У тебя полчаса. Сможешь мне убедительно объяснить, почему твои наноботы решили в шахтеры податься – оставим дорогу. Нет – уничтожим.

Колков тоже встал. Снял очки, протёр, спрятал в карман. Снова достал и водрузил на нос. Возмущённо сказал:

– Это так не делается. Надо извлекать из наноботов логи их действий, находить цепочки принятия решений. Процесс на несколько недель как минимум. Но я вас уверяю, внутренняя логика наноботов не позволит им причинить вред людям. Это жесточайшее правило, оно прошито на физическом уровне...

– Двадцать девять минут, – сказал Кондратьев.

Колков вздохнул. Перешёл дорогу, посмотрел в отверстие туннеля. Спросил:

– Что там внутри?

– Туннель. Залегает на глубине семь метров. Мы послали в него дроны, потом добровольцы прошли пешком. Даже вентиляционные отверстия пробиты и светящиеся полосы на потолке есть.

– Вот видите, дорога исправна!

– Двадцать семь минут. Причина?

– Здесь нет заповедников? Какие-нибудь гнездовья редких птиц... дорога запрограммирована оберегать природу...

– Да ты что, – возмутился Кондратьев. – Нам зелёные и так плешь проели, каждый метр проверяли, ко всему придирались! Ничего там нет, только комары и лягушки. Двадцать шесть минут.

– Возможно, дороге не хватало каких-то микроэлементов для строительства, – вслух предположил Колков. – И она решила их добыть...

– А в остальных местах хватало?

– Да, вы правы, ничего редкого ей не требуется... – Колков сник и покачал головой. – Нет, это локальная проблема, я уверен.

– Нам не нужны локальные проблемы, – сказал Кондратьев. – Стране нужно стабильное развитие. Сами знаете, у России всегда было две беды – дураки и дороги. Не знаю, как с дураками, а вот с дорогами мы ситуацию исправим. И взбесившиеся наноботы, пусть даже они строят быстро и дешёво, нам не нужны. Так что...

– Проблема локальная, – повторил Колков. – Пойдёмте! Надо посмотреть, что над туннелем!

– Да ничего там нет! Поля, перелески, пара заброшенных сёл. Экспериментальная трасса скоростная, её проектировали в обход населённых пунктов... – Кондратьев махнул рукой. – Хорошо. Садись в машину, проедем немного. Может и впрямь...

В машине, неторопливо и упрямо движущейся по разбитому просёлку, Кондратьев сказал:

– Я подумал – в твоих словах есть резон. Рядом деревенька. Три развалюхи, две халупы... Никто там жить не должен, мы проверяли. А вдруг кто-нибудь поселился?

Из кустов впереди вдруг выпрыгнул линиялый серый заяц, скачками пересёк просёлок, бросился в лесок. Машина вильнула, притормаживая, снова вернулась на колею.

– Развелось косых, – сказал Кондратьев беззлобно. – Однажды сбил одного, не заметил, и машина не среагировала. Прямо заповедник, зелёным на радость...

Нынче этих любителей возвращения к природе — полным-полно. У меня родная дочь с семьей в селе поселилась, представляешь? Коз растят, сыр какой-то вонючий делают, сено вручную косят... Вдруг и тут какие-нибудь натуралисты решили возродить село, вести экологически правильную жизнь. Могла твоя дорога в такой ситуации уйти под землю?

— Могла, — сказал Колков, поразмыслив. — Интересы людей превыше всего. Дорога ведь не могла связаться с нами и объяснить проблему. Наноботы обнаружили присутствие людей и приняли решение их не беспокоить... вполне возможно!

— Если там и впрямь кто поселился — лично мерзавцев выгоню, — сказал Кондратьев. — Повсюду же плакаты, зона строительства обозначена...

Он остановил машину на околице деревни. Выглядело всё и впрямь безрадостно. Уцелело лишь несколько старых, будто из кинохроники прошлого века, бревенчатых домов, серых и трухлявых, покосившихся и осевших на углы. Коровник или хлев, более современный, из белого силикатного кирпича, но развалившийся даже сильнее, чем жилые дома. И множество совсем уж заросших бурьяном, превращающихся в земляные холмики развалюх.

— Село неперспективное, давно заброшенное, исторической ценности не представляет, — выпрыгивая из внедорожника сказал Кондратьев. — Людей... людей тоже не наблюдаю.

Колков осмотрелся. Заглянул в один из домов — дверь давно слетела с петель. В другой — там дверь была заколочена, но окна давно лишились и стёкол, и рам, учёный заглянул в один из провалов. Пол внутри местами провалился, местами топорщился гнилыми скособоченными досками.

— Жуть какая, — сказал он. — Как будто в прошлое попал. Да, нет здесь никого, и не было уже давно.

— Всё-таки, почему дорога самодвижущаяся? — неожиданно спросил Кондратьев. — Ты со словами аккуратен, назвал бы самостроющейся — я бы понял.

Колков вздохнул.

— Это из старой фантастики. В детстве читал, очень понравилось. Там дороги действительно двигались. Можно было встать на дорогу в Москве и уехать в Тверь. Или в Пекин. Мне всегда казалось, что это красиво. Даже не красиво — правильно.

— Но твоя дорога не движется.

— Когда строится — ползёт. Может быть, когда-нибудь сделаем и по-настоящему движущейся. Встал и поехал.

— Долго будет ехать, до Пекина-то.

— Дорога в тысячу ли начинается с первого шага, — Колков посмотрел на Кондратьева, виновато и стеснительно. — Вы поймите, тут же не в дороге дело, а в дураках.

— Чего? — удивился Кондратьев.

— Человечеству всегда требуются дураки. Никто и никогда с этим ничего поделывать не мог. Какие угодно машины делай, как хочешь всё автоматизируй, но всегда остаётся множество скучного, монотонного, нудного труда. Труда для дураков. Копать землю, возить бетон, насыпать гравий, раскатывать асфальт взад-вперёд. Можно человека посадить в кабину с кондиционером и телевизором, платить ему хорошие деньги, только всё равно его работа останется скучной и неинтересной. И перспективы в ней нет.

— Я сам на бульдозере начинал работать, — сказал Кондратьев. На его лице напряглись желваки.

— Но не остались же? Скучно вам стало, роста захотелось. Не просто денег или уважения, а роста, развития. Но всем в начальство не выйти. Нужны простые работяги для малоквалифицированного труда. Кто-то будет книжки после работы

читать, кто-то рыбу ловить, кто-то пиво пить, но работа у них всё равно будет однообразная. И вот это беда похуже дорог. Наши наноботы — они на себя берут как раз скучную работу. Они машины, им не скучно. Запустим такие дороги по всей стране — миллионы людей от нее освободятся.

— Ну и куда пойдут? В геноме ковыряться, наноботов проектировать? Это не каждому дано.

— Работа найдётся, — убеждённо сказал Колков. — Настоящая, творческая. Раньше девяносто процентов людей растили зерно и пасли стада. Сейчас пять процентов населения всю Землю едой обеспечивают. И в строительстве то же самое. Ещё будем с улыбкой вспоминать, как на стройках тысячи людей работали. Вон, у нас вся Вселенная вокруг — неужели не найдём, чем заняться?

Кондратьев захохотал.

— Да ты, дорогой профессор, и впрямь старой фантастики начитался. Думаешь, если предложить бульдозеристу лететь на Марс, сады там разводить, он согласится?

— А вы спрашивали? — с вызовом ответил Колков.

Кондратьев замолчал. Кивнул:

— Хорошо, не буду спорить. Только главного это не отменяет — твои наноботы делают непонятные вещи, значит использовать их преждевременно и опасно. Время вышло. Поехали, будем их выключать.

Колков сразу как-то обмяк, будто его самого выключили. Кивнул. Достал из кармана контейнер с ампулой, разблокировал касанием пальца, протянул Кондратьеву.

— Лучше вы. У меня... рука не поднимется.

Кондратьев с пониманием кивнул. Они стояли среди развалин, тёплый летний ветерок обдувал их лица.

— Как по мне — пусть бы ТМ-2 тут и шла под землёй, — сказал Кондратьев. — Я вообще отсюда родом. Ну, не сам я, прадед тут жил. Когда-то тут и сёла были большие... сто лет назад...

— А потом что?

— Потом война. В школе не учился, что ли? Тут была Калужская наступательная операция. Всё горело, всё разрушено. Толком уже и не возродилось. В каждом селе обелиски стоят, вся земля с прахом перемешана. В детстве ездил сюда с дедом на рыбалку. Червей набираешь, чуть поглубже копнёшь — то осколки... то кости.

— Что ты сказал? — внезапно воскликнул Колков.

Мужчины несколько секунд смотрели друг на друга.

— Да не может быть, — неуверенно сказал Кондратьев.

— Дорога — это машина, — сказал Колков. — Просто огромная неторопливая машина. Твой внедорожник ведь на человека не наедет, верно? Остановится и заглушит мотор. И стену ты им не протаранишь, если все ограничители не сорвёшь. И зайца на пути она объехала. Это программная логика, она вложена на заводе, но ко всему ещё и адаптируется, развивается в сторону большей безопасности.

— Но тут ведь нет людей... живых людей, — поправился Кондратьев.

— А если она решила, что мёртвых тоже надо беречь? — спросил Колков. — Что нам это важно... Постой-ка...

Он двинулся туда, где некогда, похоже, был центр деревеньки. Трудно было назвать это площадью, скорее просто маленькая площадка перед зданием, раньше бывшим поселковым советом или дирекцией совхоза. Здесь росло с десяток старых, выродившихся яблонь, лишь на некоторых завязались редкие зелёные плоды. И ещё было что-то грязно-белое, заваленное мусором и заросшее бурьяном в человеческий рост, между деревьями.

Колков, раздвигая руками бурьян, стал пробираться в центр площадки. Кондратьев, помедлив, достал из кармана здоровенный складной нож, выщелкнул лезвие и стал помогать.

Это был обелиск. Простой бетонный обелиск с обломленным навершием, когда-то выкрашенный белым, а сейчас побуревший от грязи. Угадывались слова «Жителям села...» и отдельные буквы из длинного ряда фамилий.

— Очень много одинаковых, — сказал Колков. — Только не разберу... на «Ко...» начинаются... говоришь, отсюда твои предки родом?

— Слишком короткая фамилия, — ответил Кондратьев. — Скорей уж «Колковы».

Они постояли, глядя на обелиск.

— Но это уже ни в какие ворота не лезет, — продолжил Кондратьев. — Если твоя дорога решила обойти заброшенные деревни из-за разрушенного памятника... и останков в земле... это уже не программная логика. Это разум!

Колков молчал.

— Хорошо, — решил Кондратьев. — Дорогу пока не трогаем. Три дня тебе даю, ясно? Снимайте свои логи, товарищи учёные... Трое суток.

Он протянул контейнер с ампулой обратно учёному.

Колков хотел было сказать: «Неделю надо», но неожиданно для себя произнёс:

— Спасибо. Мы успеем.

...Колков приехал в деревню ровно через трое суток. Его автомобиль, маленький городской седан с электромотором, цепляя защитой булыжники и проваливаясь в колдобины, въехал в центр села, устало остановился рядом со здоровенным внедорожником. Багажник внедорожника был открыт, внутри стояли какие-то банки, мешки с сухой смесью, инструменты. Лежала коса — ручная, старинная на вид, но с рукоятью из пластика «под дерево».

Кондратьев сидел на табуретке перед обелиском. Трава была выкошена, деревья подрезаны. Сколы и выбоины на памятнике исчезли, он был выкрашен яркой белой краской, полыхающей на солнце. Кондратьев аккуратно обводил буквы на обелиске ручным принтером, из которого торчала длинная золотистая проволока. Буквы оживали, наполнялись цветом.

— Копыловы, — сказал Кондратьев, не оборачиваясь. — Вся деревня была Копыловых. Так и звалась — Копыловка. Сорок три человека на войну ушли, вернулось двое. Так и кончилась деревня...

Колков кивнул. Неловко переступил с ноги на ногу. Сумка, в которой лежал мешочек цемента и две баночки краски, показалась ему нелепой и смешной, он поставил её на землю.

— Мы проверили логи, — сказал он. — Знаете, дорога... она неразумна, к сожалению... Там на пути встали три машины. Развернули плакаты «Нет насилию над природой!»

— Знаю уже, — буркнул Кондратьев. — Я спутниковые снимки запросил. Зелёные... решили помешать трассе. Не нашли ничего умнее... Дорога до них доползла, постояла, потом нырнула под землю. Они испугались и дали дёру. Тоже мне, бойцы за экологию... Что стоишь-то? Вон оградка, я металл уже зачистил, можешь красить.

— Ага, — обрадовался Колков. — Это легко. Это я могу.

Некоторое время они работали молча.

Потом Кондратьев сказал:

— Я ведь неправ был. Когда про две беды говорил. Дураки и дороги, да. Только одна беда первична, другая вторична. Вот это всё... для дороги это не важно.

– Это для нас, – сказал Колков.

– Ага. С дорогами разобрались, разберёмся и с дураками. Заметь, это я вовсе не про зелёных... – Кондратьев усмехнулся и посмотрел на Колкова. Учёный неумело, но старательно красил старую чугунную оградку. – А потом... потом можно и на Марс.